

Злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другаго какъ основаніе расторженія брака.

„Мужъ оставленный женою достоинъ снисхожденія и сожительства съ нимъ не осуждается“.
Св. Василія вел. прав. 9.

Злонамѣренное оставленіе (*malitiosa desertio*) однимъ супругомъ другаго, въ качествѣ повода или основанія для расторженія брака, есть преступленіе противъ супружеской вѣрности, выражающееся въ томъ, что жена покидаетъ домъ мужа (или мужъ оставляетъ жену и семью) живетъ отдѣльно и несмотря на увѣщанія со стороны оставленнаго, упорствуетъ въ отдѣльномъ отъ него жительствѣ. Въ западной европѣ это преступленіе признано было основаніемъ для расторженія брака со времени реформаціи въ тѣхъ государствахъ, въ коихъ утвердилось протестанство ¹⁾. Въ каноническомъ правѣ восточной церкви оно признано въ этомъ качествѣ съ IV вѣка, равно какъ и въ византійскомъ гражданскомъ правѣ. Такимъ же признавалось оно и въ древне-русскомъ правѣ, равно какъ въ теченіи всего XVIII вѣка, и исключено изъ основаній брачнаго развода не далѣе какъ въ началѣ XIX-го вѣка. Впрочемъ и въ настоящее время оно удержано въ нашемъ законодательствѣ о разводахъ между лицами евангелическо-лютеранскаго, аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій. Здѣсь даны между прочимъ слѣдующія, заслуживающія интереса опредѣленія: „при разводахъ по злонамѣренному оставленію должно удостовѣрить, что оставленіе

¹⁾ К. П. Побѣдовосцевъ: Курсъ гражд. права ч. III, 85. СПб. 1889.

это именно злонамѣренное. Безвѣстное отсутствіе въ теченіи года считается злонамѣреннымъ оставленіемъ.

При просьбѣ о разводѣ въ этомъ случаѣ стороны должны просить консисторію о вызовѣ отсутствующаго узаконеннымъ порядкомъ; разводъ дается здѣсь черезъ годъ по совершеніи вызова.

Жена, отлучившаяся самовольно отъ мужа, по возвращеніи должна представить удостовѣреніе въ безпорочномъ своемъ поведеніи за время отлучки, иначе мужъ можетъ требовать развода ¹⁾.

Въ настоящее время, когда идетъ пересмотръ нашего бракоразводнаго права и процесса въ специально учрежденной комиссіи при Св. Синодѣ въ видахъ усовершенствованія ихъ, почитаемъ своевременнымъ обратить вниманіе читателей на вышеуказанное явленіе въ исторіи нашего права, при чемъ имѣемъ цѣлю доказать:

1) Что оставленіе однимъ супругомъ другаго въ качествѣ основанія искать развода съ оставившимъ лицомъ и—права на вступленіе въ новый бракъ имѣетъ за себя твердыя каноническія и историческія основанія.

2) Что признаніе этого преступленія основаніемъ для расторженія брака требуется условіями современной жизни.

I.

Въ каноническомъ правѣ Восточной церкви произвольное оставленіе *женою* своего мужа въ первый разъ установлено какъ основаніе для расторженія брака и для вступленія оставленнымъ женою мужемъ во второй бракъ въ правилахъ Св. Василія Великаго 9-мъ, 35 и 46.

„Господне изреченіе—читаемъ въ 9-мъ правилѣ, — яко не позволительно разрѣшатися отъ брака, развѣ словесе прелюбодѣйна, по разуму онаго равно приличествуетъ и мужамъ и женамъ. Но не то въ обычаѣ. О женахъ находимъ много строгихъ изреченій. Апостолъ глаголетъ: яко прилѣпляйся сквернодѣицѣ едино тѣло есть (1 Кор. VI, 16). И Іеремія: аще будетъ жена мужу иному, не возвратится къ мужу своему, но осквернившись осквернится (гл. III, 1).

¹⁾ Уст. Иностр. Исп. 256 — 258. Способиць: О разводѣ въ Россіи, стр. 115—116. М. 1881.

И паки: держай прелюбодѣйцу безуменъ и нечестивъ (Притч. XVIII, 23). Женамъ же обычай повелѣваетъ удерживати мужей своихъ, хотя они прелюбодѣйствуютъ и въ блудъ суть. *Посему, не знаю можетъ ли прямо прелюбодѣйцею нарецися живущая съ мужемъ, оставленнымъ своею женою: ибо здѣсь обвиненіе падаетъ на оставившую мужа, по какой причинѣ она отступила отъ брака.* Ибо еще потому, яко біема была и не стерпѣла ударовъ: то подобало паче претерпѣти, нежели разлучатися съ сожителемъ. Еще потому, яко не стерпѣла утраты имѣнія: и сей предлогъ не достоинъ уваженія. Еще же потому, яко мужъ ея живетъ въ блудѣ, наблюденія сего не имѣемъ въ церковномъ обычаѣ: но и отъ невѣрнаго мужа не повелѣно разлучатися женѣ, а пребывати съ нимъ, по неизвѣстности, что послѣдуетъ. Что бо всѣи, жена, еще мужа спасеши? (1 Кор. VII, 16). Посему, жена оставившая своего мужа есть прелюбодѣйца, еще перешла къ другому мужу, а мужъ оставленный достоинъ снисхожденія и сожительствующая съ нимъ не осуждается (*συγγνωστός ἐστὶ καὶ ἢ συνομίᾳ τῷ τοιοῦτῳ ὁ κατακρίνεται*). Еще же мужъ, отступивъ отъ жены, пойметъ иную: то и самъ онъ есть прелюбодѣй, понеже творитъ ю прелюбодѣйствовати, и живущая съ нимъ есть прелюбодѣйца: поелику отвлекла къ себѣ чужаго мужа“ (прав. 9).

Прав. 35-е. „Аще мужъ оставленъ женою, то подобаетъ смотрѣти вину оставленія: и аще явится она оставившею безъ причины: то онъ достоинъ снисхожденія, а она епитиміи. Снисхожденіе же окажется ему въ томъ, да будетъ онъ въ общеніи съ церковію“.

Для выясненія смысла этихъ правилъ необходимо затѣмъ имѣть въ виду и 46-е правило того же отца церкви:

„Съ оставленнымъ на время своею женою сочетавшаяся по невѣдѣнію, потомъ по причинѣ возвращенія къ нему первыя жены отпущенная блудодѣйствовала чрезъ таковой союзъ, впроч. по невѣдѣнію. Посему бракъ ей не возбранится, но лучше еще пребудетъ тако“ (прав. 46).

Во всѣхъ трехъ правилахъ говорится о событіи супружеской жизни одною своею стороною сходномъ, а всѣми прочими различномъ: сходная, или общая его сторона—*оставленіе женою своего мужа и дома его.* Но въ первомъ это оставленіе явно злостное—соединенное съ измѣною мужу для

другого (съ прелюбодѣяніемъ), во второмъ—оставленіе безъ указанія повода и цѣли, однакоже имѣющее своимъ послѣдствіемъ фактическое разрушеніе брачнаго союза, въ третьемъ — временная отлучка жены отъ мужа и его дома, не соединенная ни съ злостнымъ или преступнымъ намѣреніемъ разорвать брачный союзъ, ни даже съ какою-либо размолвкой между супругами, посему брачный союзъ между ними и восстанавливается по возвращеніи жены, хотя за время отсутствія ея мужъ успѣлъ вступить въ преступную связь со стороннею женщиною.

Какое же изъ этихъ трехъ событій можетъ служить основаніемъ для расторженія брака и для дарованія мужу права вступить въ новый бракъ? Отвѣчаемъ: оба первыхъ,—только послѣднее не даетъ этого права, какъ не содержащее въ себѣ ничего преступнаго противъ вѣрности супружескому союзу со стороны жены, на время лишь покинувшей мужа и—вѣроятно—съ его согласія.

Такъ какъ для читателя, воспитаннаго въ юридическихъ понятіяхъ нашего времени, такое утвержденіе можетъ показаться неосновательнымъ, то почитаемъ нужнымъ представить основанія.

Менѣе недоумѣній можетъ возбуждать первый видъ оставленія мужа женою, соединеннаго съ преступной цѣлью—прелюбодѣянія: „жена, оставившая мужа, есть прелюбодѣйца, аще перешла къ другому мужу“.

Тонъ правила такой категорической, что не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Однакоже—можетъ возразить читатель—для того, чтобы добиться расторженія брака по этому правилу, нужно доказать не только фактъ оставленія женою мужа, но и преступную связь ея съ другимъ. Значить, главная сила—въ этомъ послѣднемъ?—Такое пониманіе правила будетъ однакоже не вѣрнымъ. На первый планъ правило выставляетъ именно произвольное оставленіе женою своего мужа, потому-то и усиливается доказать, что по утвердившемуся церковному обычаю жена не имѣетъ права произвольно оставлять своего мужа ни на какомъ основаніи, какъ бы ни несносна была жизнь ея съ нимъ. Вступленіе же ея въ связь съ другимъ разсматривается лишь какъ обстоятельство отягчающее ея *первую вину*—произвольное оставленіе ею своего мужа. За вторую вину она и судится, какъ

прелюбодѣйца. Что же касается послѣдствій первой вины, то несомнѣнно одно, что для мужа оставленіе женою открываетъ возможность вступленія въ новый бракъ: *онъ достоинъ смисхожденія* (если вступить во второй бракъ), *и сожителствующая съ нимъ не осуждается*. Такимъ образомъ, для полученія права вступить въ новый бракъ мужу достаточно констатировать только фактъ оставленія его своею женою. А съ какою цѣлю она оставила мужа — съ цѣлю ли прелюбодѣянія, или просто, чтобы нежить только съ мужемъ,— это въ расчетъ не принимается. Такъ по установившемуся во время св. Василія Великаго обычаю церковному.

Св. отецъ не вполне одобряетъ такое воззрѣніе, и въ правилѣ 35-мъ предписываетъ обращать вниманіе на причину оставленія женою своего мужа и постановляетъ, что послѣдній въ томъ только случаѣ бываетъ достоинъ *смисхожденія*, если окажется оставленнымъ женою безъ *достаточной причины* съ его стороны: тогда онъ не подвергается и отлученію отъ церкви, если и вступить въ новый бракъ, хотя—какъ второбрачный—онъ по общему правилу долженъ былъ бы подлежать двухлѣтней епитиміи.

Такимъ тяжкимъ преступленіемъ почиталось въ то время самовольное оставленіе женою своего мужа!

Но какъ долженъ поступать церковный судъ въ томъ случаѣ, если окажется, что жена оставила мужа по достаточной причинѣ? Св. отецъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Но изъ контекста 35 правила и изъ сличенія его съ 9-мъ правиломъ должно заключить, что мужъ, послужившій самъ виною оставленія со стороны жены,— *недостоинъ смисхожденія*. Въ какомъ отношеніи?—въ отношеніи ко второму браку или церковному общенію?—Согласнѣе съ мыслью правилъ—въ обоихъ отношеніяхъ, хотя лишитъ права на вступленіе въ бракъ церковь въ то время не могла; въ ея распоряженіи было только одобреніе или не одобреніе заключеннаго брака. Въ послѣднемъ случаѣ она затѣмъ могла подвергнуть епитиміи, т.-е. лишитъ ц. общенія.

Правильность представленнаго нами толкованія разсматриваемыхъ правилъ подтверждается толкованіями византійскихъ экзегетовъ Вальсамона и Аристина. Послѣдній въ толкованіи 35-го правила говоритъ: „Та, которая оставила своего мужа и *безъ причины* удалилась отъ него, должна

быть подъ епитиміями и тѣмъ болѣе, если выйдетъ за другого мужа: ибо тогда она осуждается какъ прелюбодѣйца, согласно съ 9-мъ правиломъ (сего св. отца). А мужъ, оставленный ею, достоинъ снисхожденія и поэтому не подвергается и епитиміи, если возьметъ другую“.

Толкованій Вальсамона мы не будемъ приводить, какъ исполнѣ согласныхъ съ только что приведеннымъ толкованіемъ Аристина, которое для насъ очень важно не только по своей категоричности и ясности, но еще и потому, что оно только и помѣщено было въ нашей печатной кормчей книгѣ, равно какъ и въ древнѣйшихъ рукописныхъ кормчихъ, и такимъ образомъ имѣло важное значеніе въ разумѣніи правилъ св. Василія Великаго нашими русскими іерархами.

Но не можемъ оставить безъ вниманія оригинальнаго толкованія Зонары, стоящаго въ противорѣчій съ толкованіемъ Аристина. Вотъ это толкованіе: оставившая своего мужа, если удалилась безъ благословной причины, подвергается епитиміи, а мужъ прощается, *не такъ—чтобы пользоваться другою*, но чтобы не быть отлученнымъ отъ церкви. А въ 9-мъ правилѣ св. отецъ не призналъ для жены законными причинами къ отступленію отъ брака ни побоевъ отъ мужа, ни ущерба въ имуществѣ, ни блуда, которому, можетъ-быть, мужъ предается, ни даже того, если онъ невѣрный (т.е. не христіанинъ“).

Если слѣдовать этому толкованію, то выйдетъ что по 9-му правилу оставленный женою мужъ достоинъ снисхожденія если возьметъ иную, и послѣдняя не осуждается, а по 35-му правилу онъ не долженъ сожителствовать съ другою. Такъ образомъ, если мы признаемъ вѣрнымъ это толкованіе, то этимъ осудимъ св. Василія Великаго въ противорѣчій самому себѣ. Уже одно это соображеніе должно побудить насъ отвергнуть толкованіе Зонары. Но послѣднее заслуживаетъ этого и по своей внутренней несообразности. Зонара говоритъ, что мужъ безвинно оставленный своею женою прощается не такъ, чтобы пользоваться другою, но чтобы не быть отлученнымъ отъ церкви. Но за что же въ такомъ случаѣ онъ прощается? Рѣшительно непонятно. Иное дѣло, если и въ 35-мъ правилѣ разумѣть мужа, безвинно оставленного женою и сожителствующаго съ другою: тогда понятно

будеть прощеніе его за это сожителство, состоящее въ оставленіи его въ общеніи съ церковію; при такомъ предположеніи исчезаетъ и противорѣчіе между 35-мъ и 9-мъ правилами св. отца.

Толкованія Зонары вообще отличаются замѣчательною точностію передачи смысла правилъ и въ этомъ отношеніи во многихъ случаяхъ превосходятъ толкованія другихъ византійскихъ схолиастовъ. Чѣмъ же объяснить неудачу настоящей его схоліи? По нашему мнѣнію, настоящая схолія представляетъ собою искаженіе подлиннаго текста Зонары, допущенное переписчиками или издателями ¹⁾.

Достоино вниманія при этомъ то обстоятельство, что св. отецъ въ обоихъ правилахъ обсуждаетъ не столько вопросъ о правѣ мужа, оставленнаго женою, на новый бракъ, сколько о этомъ бракѣ, какъ о событіи уже данномъ, но подлежащемъ моральной оцѣнкѣ съ Евангельской точки зрѣнія. И это весьма естественно. Съ точки зрѣнія гражданскаго права того времени—право мужа, оставленнаго женою, на бракъ съ другою женщиною не возбуждало сомнѣній. Съ точки зрѣнія этого права жена разсматривалась настолько прикрѣпленною къ дому мужа, что ея произвольное оставленіе мужняго дома само собою разрушало бракъ и освобождало ее отъ мужней власти, какъ и наоборотъ, пребываніе невѣсты въ теченіе года въ домѣ жениха безъ всякихъ обрядовъ закрѣпляло ее во власть послѣдняго ²⁾.

¹⁾ Не эта ли схолія имѣлась въ виду и редакторами нашей книги правилъ, въ которой конецъ 35-го правила св. Василія передается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „снисхожденіе же окажется ему въ томъ, да будетъ онъ въ общеніи съ церковію“. Соответственный греческій текстъ гласитъ: ἡ συυυωσις τοῦτω πρὸς τὸ κοινωγεῖν τῇ ἐκκλησίᾳ δοθῆσεται“ (это снисхожденіе да будетъ дано ему и въ общеніи съ церковію). Т.-е. подлинный текстъ не содержитъ никакого намека на ограниченіе оставленному мужу права на вступленіе въ новый бракъ.

²⁾ Если женщина вступивъ въ бракъ безъ соблюденія confarreatio. или coemptio, проживала въ домѣ мужа въ теченіе *цѣлаго года*, то мужъ пріобрѣталъ надъ нею manus mariti: власть пріобрѣталась какъ бы давностию владѣніемъ въ теченіе года. Уже въ XII таблицахъ находился законъ, который давалъ женщннѣ возможность навсегда избѣгнуть подчиненія мужней власти. Онъ постановлялъ, что если жена ежегодно будетъ отсутствовать изъ дома *въ теченіе трехъ ночей*, то этимъ она прерветъ дѣйствіе usus (usurpatio trinoctii). Боголѣповъ, Учебникъ исторіи Римскаго права. 244. М. 1895.

При господствѣ такихъ возрѣній гражданскаго права и свободы брачныхъ разводовъ, составлявшихъ предметъ частнаго, а не публичнаго, права, со стороны такихъ ревнителей евангельской дисциплины, какъ св. Василій Великій, приходилось дѣйствовать, конечно, не преобразованиемъ брачнаго гражданскаго законодательства—къ чему у нихъ не было еще возможности,—а лишь путемъ моральнаго воздѣйствія непосредственно на жизнь христіанъ, путемъ увѣщаній, пастырскаго внушенія и епитимій. Нормы писаннаго и обычнаго гражданскаго права и тѣмъ болѣе самое поведеніе христіанъ, на нихъ опиравшееся, они оцѣнивали съ точки зрѣнія Евангельскаго ученія и нравственнаго ученія Ветхаго Завета, создавали такимъ образомъ христіанскую или церковную дисциплину и ее полагали въ основаніе церковнаго суда. То, что съ точки зрѣнія этой дисциплины заслуживало одобренія въ нормахъ гражданскаго и обычнаго права, усвоилось ими,—то, что противорѣчило,—подвергалось открытому осужденію, равно какъ такому же осужденію подвергалось и поведеніе, поступки, имъ соотвѣтствовавшіе, хотя бы и *законныя*. Св. Отецъ нигдѣ даже и вопроса не ставитъ о законности или незаконности извѣстнаго вида сожительства, а только о моральномъ достоинствѣ съ евангельской точки зрѣнія: „не знаю,—говоритъ онъ, напримѣръ,—можетъ ли прямо прелюбодѣйцею нарецися живущая съ мужемъ, оставленнымъ своею женою: ибо здѣсь обвиненіе падаетъ на *оставившую мужа*“, и основываясь на этомъ соображеніи говорить рѣшительно, что и она не осуждается и онъ достоинъ снисхожденія за сожитіе съ нею.

Въ настоящее время положительно удивительна терпимость къ мужьямъ и строгость къ женщинамъ, какая высказывается въ 46 правилѣ св. Василія Великаго. На супружество мужа здѣсь св. отецъ смотритъ повидимому совершенно равнодушно, какъ на дѣло совершенно естественное и законное, но на сожительствовавшую съ нимъ женщину, сожительствовавшую *по невѣдѣнію* о существованіи законной жены—какъ на *блудницу* и хотя извиняетъ грѣхъ ея невѣдѣнія, однакоже—совѣтуетъ лучше не вступать ей въ бракъ, по возвращеніи первой жены, очевидно имѣя въ виду слова Спасителя: иже пушеницу пойметъ—прелюбодѣйствуетъ. Но почему же не такъ строго онъ относится къ фактиче-

скому второбрачію мужа, называя его только блудомъ? Отвѣтъ ясенъ изъ 9-го правила:—на основаніи установившагося церковнаго обычая, по которому жена должна быть вѣрною мужу, даже и живущему въ блудѣ (напр. во время отлучки ея изъ дома). Только мужъ, *совсѣмъ оставившій жену* и сочетавшійся съ другою женщиною,—и самъ прелюбодѣй, и она — прелюбодѣйца. Отсюда получается слѣдующій очень важный для насъ выводъ: съ моральной точки зрѣнія, которой слѣдуетъ св. Василій Великій, рѣшительное оставленіе мужемъ своей жены для связи съ другою есть несравненно болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ случайная связь, временное паденіе съ другою при неоставленіи однако жены. Точно также и оставленіе женою своего мужа и его дома несравненно болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ случайное паденіе при неоставленіи мужа ¹⁾.

Если теперь этотъ выводъ мы приложимъ къ рѣшенію вопроса: составляетъ ли нравственно законный поводъ къ расторженію брака злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого—съ точки зрѣнія правилъ св. Василія Великаго, то должны будемъ отвѣчать со всею рѣшительностію: *да, составляетъ. Оно даже болѣе законный поводъ, чѣмъ случайное паденіе, хотя бы и доказанное.*

Какъ далека эта точка зрѣнія отъ точки зрѣнія нашего Устава Духовныхъ Консисторій, требующаго для расторженія брака по причинѣ супружеской невѣрности только доказательства полового совокупленія, доказаннаго свидѣтелями—очевидцами!

Намъ остается обратить вниманіе читателей и еще на одну особенность воззрѣній св. Василія Великаго по данному вопросу, обычно игнорируемую нашими юристами и канонистами.

Св. Василій Великій, какъ и гражданское византійское право послѣдующаго времени (до 870 г.), въ своихъ опредѣленіяхъ о такъ наз. „безвѣстномъ отсутствіи“ какъ основа-

¹⁾ Это ясно изъ сличенія рассматриваемыхъ правилъ съ 34-мъ правиломъ св. Василія Великаго: „женъ, прелюбодѣйствовавшихъ и исповѣдавшихся въ томъ, по благочестію отцы наши запретили явными творити... но повѣляли имъ стояти съ вѣрными безъ приобщенія, доколѣ не исполнится время покаянія“. Женѣ же, оставившей своего мужа, нѣтъ такого снисхожденія.

ниц для расторженія брака, имѣють въ виду отсутствіе только мужа и при извѣстныхъ условіяхъ усвояють *женъ* право на этомъ основаніи вступать въ новый бракъ, а не такъ какъ устанавливаетъ дѣйствующее право, признавая въ равной мѣрѣ безвѣстное отсутствіе и *жены*, какъ поводъ къ разводу для мужа.

31-е правило гласить: жена мужа отлучившагося и пребывающаго въ безъизвѣстности, прежде удостовѣренія о смерти его вступившая въ сожитіе съ другимъ, прелюбодѣйствуетъ. Правило 36: „жены воиновъ, пребывающихъ въ безъизвѣстности, сочетавшіяся съ другими подлежатъ тому же сужденію, какъ и тѣ, кои не дождались возвращенія отсутствующихъ мужей. Впрочемъ здѣсь дѣло достойно нѣкоего снисхожденія, поелику болѣе вѣроятно заключеніе о смерти“.

О безвѣстной отлучкѣ *жены* ни въ этихъ, ни въ иныхъ правилахъ нѣтъ ни слова. Въ законахъ Импер. Константина и Юстиніана есть постановленія о женахъ солдатъ, дающія имъ право по истеченіи извѣстныхъ лѣтъ безвѣстной отлучки мужей на второе супружество. Но о безвѣстной отлучкѣ *женъ*—нѣтъ постановленій. Только 22-я новелла Юстиніана составляетъ замѣчательное исключеніе для супруговъ, находящихся въ плѣну: здѣсь для мужа и жены назначается равномѣрно 5-лѣтній срокъ ожиданія ¹⁾.

Что же это значить?—Да то, что по дисциплинѣ того времени для мужа достаточно было констатировать весьма непродолжительную отлучку жены изъ своего дома, чтобы заручиться правомъ на вступленіе въ бракъ съ другой; а жена обязана была ждать удалившагося изъ дому мужа до тѣхъ поръ, пока не докажетъ достовѣрными доказательствами смерти его.

Входить въ историческія причины установленія такой дисциплины—внѣ нашей задачи. Но указать на этотъ фактъ почитаемъ дѣломъ весьма важнымъ.

Итогъ нашего разсмотрѣнія правилъ св. Василія Великаго даетъ слѣдующія положенія.

Причинами развода служатъ:

1) Прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ.

¹⁾ См. комментарий Вальсамона къ 93 прав. Трул. собора. 39 нов. Льва Мудраго отмѣнила эту причину развода. М. Властара *у'*, гл. 3.

2) Оставленіе (болѣе или менѣе продолжительное и совершенное) женою мужа безъ вины со стороны его.

3) Безвѣстное отсутствіе мужа, подѣ предположеніемъ смерти его.

II.

Эти, установленныя нами положенія, почитались такъ сказать аксіомами каноническаго права для тѣхъ византійскихъ императоровъ, которые предпринимали попытки реформировать бракоразводное право подѣ влияніемъ евангельскаго ученія и каноническаго законодательства.

Рядъ такихъ императоровъ начинается собственно съ Юстиніана.

Въ нов. 117-й злонамѣренное оставленіе женою мужа въ качествѣ причины расторженія брака выражено такъ:

„Если жена пиршествовала съ посторонними мужчинами или мылась съ ними въ банѣ *противъ воли* мужа“.

„Если *противъ воли* мужа оставалась внѣ дома не у своихъ родителей за исключеніемъ того случая, если самъ мужъ выгналъ ее помимо указанныхъ причинъ“.

На поверхностный взглядъ такая формулировка злонамѣреннаго оставленія, какъ преступленія тяжкаго, поставленнаго на ряду съ прелюбодѣяніемъ и покушеніемъ на жизнь можетъ показаться странною, можетъ вызвать даже разные упреки законодателя въ легкомысліи, или же въ пристрастномъ отношеніи его къ мужниной власти. Ну что преступнаго—скажетъ быть можетъ иной читатель — въ томъ, что жена провела нѣсколько ночей внѣ дома мужа, или провела даже цѣлый сезонъ „на водахъ“ (на курортѣ), рассорившись съ нимъ, „противъ его воли“: неужели изъ-за этого пустого повода расторгать бракъ?—Такое законодательство ведетъ къ распушенности нравовъ, умноженію разводовъ, или же къ укрѣпленію супружескаго деспотизма...

Но, съ другой стороны, не только можно, но кажется и должно взглянуть на это законодательство съ совершенно иной точки зрѣнія. Въ качествѣ *внѣшняго дѣянія* указываемые поступки жены, конечно, ни преступленія, ни даже проступки: но вся суть ихъ во внутренней подкладкѣ — въ намѣреніи съ которымъ они совершаются. Злоствность намѣренія—*dolus* ихъ—очень велика: подкладкою этихъ дѣяній

можетъ служить съ одной стороны рѣшительная ненависть къ мужу, любящему свою жену, ревниво относящемуся къ ея поведенію, а съ другой—симпатія жены къ постороннему мужчинѣ: дѣянія эти по *внѣшности* непроступныя могутъ служить твердымъ основаніемъ для предположенія прелюбодѣйной цѣли. Дѣло судьи — взвѣсить ихъ съ этой точки зрѣнія и раскрыть: случайны они, не вѣрно оцѣниваются ревнивымъ мужемъ, плодъ—недоразумѣнія, или же—служать выраженіемъ преступнаго намѣренія и скрываютъ преступное отношеніе, преступную связь невѣрной жены и измѣну мужу. Въ такомъ случаѣ судъ изрекаетъ приговоръ расторгенія на основаніи „*словесе прелюбодѣйнаго*“.

Мы возвратимся еще къ этому предмету, а теперь замѣтимъ только, что серьезнаго отношенія къ себѣ это законодательство заслуживаетъ уже своею давностію и своимъ замѣчательно долголѣтнимъ дѣйствованіемъ: оно было принято въ церковный византійскій номоканонъ, много разъ безъ перемѣнъ повторялось византійскими позднѣйшаго времени законодателями и неизмѣнно переписывалось въ нашихъ кормчихъ книгахъ: ужели все это дѣлалось только по легкомыслію, или по стремленію къ защитѣ супружескаго деспотизма?

Въ законодательствѣ Юстиніана мы находимъ и еще одинъ видъ оставленія однимъ супругомъ другого (уже безразлично: женою—мужа, и мужемъ—жены) не злонамѣреннаго, а совершаемаго съ похвальною цѣлью—*bona desertio*— ради поступленія въ монашество. „Бракъ безнаказанно расторгается, если одинъ изъ супруговъ приметъ монашество“. Въ такомъ случаѣ „мы повелѣваемъ, чтобы какъ мужу, такъ и женѣ въ случаѣ перехода ихъ къ лучшей жизни было позволено расторгать сожителство и разлучаться, но только съ условіемъ, чтобы покинутой сторонѣ оставалось нѣкоторое малое утѣшеніе, а именно: ту выгоду, какую по соглашенію въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ получаетъ другой, нужно имѣть лицу, оставленному другимъ, *мужъ ли, жена ли* окажется въ такомъ положеніи, потому что тотъ (т.-е. поступающій въ монастырь) *какъ бы умираетъ* для бывшаго сожителя, избравъ вмѣсто одного другой путь жизни“¹⁾.

¹⁾ Nov. 22 и 117. Номоканонъ Фотія въ переводѣ В. Нарбекова, т. XIII, гл. 4, стр. 523—524.

И этотъ поводъ къ расторженію брака оставался въ византійскомъ гражданскомъ и церковномъ правѣ въ силѣ на ряду съ вышеуказанными, съ тою только разницею, что нѣсколько видоизмѣнены были имущественныя права оставленнаго или „нѣкоторое малое утѣшеніе“. Но за то оставалось несомнѣннымъ и право его вступать въ новый бракъ—о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Интересенъ мотивъ законодателя, къ предоставленію оставленному лицу права наслѣдованія въ имущество оставившаго; послѣдній мыслится какъ бы „умершимъ“ для оставленнаго сожителя, но вѣдь и жена оставившая мужа, его домъ и семью (для предполагаемой связи съ другимъ) развѣ не можетъ мыслиться какъ бы умершею для сожительства съ оставленнымъ мужемъ?

Какъ было нами замѣчено, „злонамѣренное оставленіе“ въ качествѣ основанія для расторженія брака утвердилось прочно въ законодательствѣ Византійскихъ императоровъ. Былъ однажды въ исторіи Византійскаго гражданского права по бракоразводному вопросу моментъ, въ который оно было выключено изъ основаній для расторженія брака.

Этотъ моментъ длился съ 740 по 870 годъ, въ теченіи котораго дѣйствовало уложеніе Льва Исавра, извѣстное въ настоящее время въ наукѣ подъ названіемъ „Эклоги законовъ“ этого Императора.

По занимающему насъ вопросу это уложеніе представляетъ столько интереса, что мы не можемъ не остановить на немъ вниманіе читателя. Вопреки Юстиніанову законодательству Эклога Льва Исавра признаетъ только слѣдующія основанія для расторженія брака:

- 1) Прелюбодѣянiе жены;
- 2) Неспособность мужа къ брачному сожитію;
- 3) Злоумышленіе на жизнь одного изъ супруговъ
- и 4) проказу того или другого ¹⁾.

Интересно, конечно, знать, какими мотивами руководился законодатель, суживая такъ сферу основаній для расторженія браковъ. Законодатель не скрылъ ихъ, а высказалъ очень

¹⁾ См. Неволина: Исторіи російскихъ гражд. законовъ Т. 3, С.-Пб. 1857, стр. 245; Загоровскаго, цит. соч. и Кормчую, гл. 49.

ясно. Свое законодательное опредѣленіе онъ предварилъ слѣдующими разсужденіями: „Божественная премудрость, создавъ жену изъ плоти мужа не расторгла брака первозданной четы и по грѣхопадени. Нерасторжимость брака Она утвердила и словомъ своимъ въ Новомъ Завѣтѣ, когда на вопросъ фарисеевъ—аще достоинъ человѣку по всякой винѣ отпустить жену—отвѣчала, что „сопряженное Богомъ никакоже отъ человѣка разлучити, развѣ словесе блуднаго. *Послѣдующе же и покоряющесе ни мы много ничто же законити паче того хожемъ*“ ¹⁾. За тѣмъ, по исчисленіи причинъ развода законодатель заключилъ свое опредѣленіе слѣдующими словами: „безъ вины же таковыя, се казаемая въ брацѣ сущихъ невозможно разлучати по писанному: *яже Богъ совокупи, человекъ да не разлучаетъ*“ ²⁾.

Мотивы—какъ видно ясно—богословско—нравственные и очень внушительные: законодатель желаетъ послѣдовать и подчиниться премудрости Божіей и не узаконять ничего, *сверхъ и кромѣ* того что Она узаконила. Но—какъ это часто бываетъ—столь благому намѣренію и побужденію не суждено было осуществиться въ исполненіи. Сравнивая мотивъ съ опредѣленіемъ, мы не находимъ тутъ гармоніи, соответствія: въ своемъ опредѣленіи законодатель явился не послѣдовательнымъ и непослушнымъ заповѣди Божіей, а *превысилъ* ее. Божественная премудрость узаконила не расторгать брака ни по какой иной причинѣ кромѣ словесе прелюбодѣйнаго, а нашъ законодатель—богословъ, Левъ Исавръ, узаконилъ, что можно расторгать бракъ и по неспособности мужа къ брачному сожитію и по проказѣ и по злоумышленію на жизнь; въ результатѣ получилось такимъ образомъ соединеніе Божіей заповѣди съ человѣческимъ произволомъ.

Левъ Исавръ, какъ извѣстно, былъ очень свободомыслящимъ богословомъ и очень либеральнымъ законодателемъ; въ силу этихъ характерныхъ чертъ своей личности онъ явился крайнимъ реформаторомъ и въ дѣлахъ церковныхъ и въ сферѣ гражданскаго права. Въ церкви онъ объявилъ себя цезаремъ, священникомъ и верховнымъ пастыремъ ³⁾, открылъ

¹⁾ Кормчая, Гл. 49, гр. 8—9.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ См. предисловіе Эклоги, Кормчая, Гл. 49.

жестокое гоненіе на иконопочитаніе и монашество; въ сферѣ гражданскаго права—крайнимъ реформаторомъ юстиніанова законодательства, находя его слишкомъ жестокимъ и вознамѣрился создать законодательство болѣе гуманное. Къ сожалѣнію либерализмъ его не сочетался въ немъ съ мудростью, а потому и законодательство его вмѣсто гуманности превзошло жестокостью и варварствомъ законодательство Юстиніана.

Недостатокъ законодательной мудрости Льва Исавра по данному вопросу сказался и въ неправильномъ толкованіи и примѣненіи заповѣди Евангельской и въ недостаточномъ вниманіи къ законодательству Юстиніана, въ неспособности оцѣнить добрые въ немъ элементы.

Евангельское слово „*развѣ словесе блуднаго*“ (прелюбодѣйнаго—по принятому чтенію). онъ понялъ (какъ и нынѣ дѣйствующій Консистерскій уставъ) въ смыслѣ грубо эмпирическаго факта (съ очевидностію доказуемаго только въ средѣ животныхъ) и совершенно игнорировалъ весьма яркіе признаки развратнаго поведенія—въ полномъ смыслѣ *vinny prelyubodѣynoy* указываемые Юстиніаномъ и обобщаемые въ понятіи *malitiosa desertio*—злонамѣренное оставленіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели отдѣльная отъ мужа жизнь жены ради веселаго препровожденія времени въ кругу мужчинъ въ общественныхъ собраніяхъ, циркахъ, купаньяхъ покинувшей мужа, его домъ и можетъ быть—дѣтей, есть менѣе тяжкое нарушеніе супружеской вѣрности, чѣмъ *проказа* или даже случайный фактъ преступной связи, который можетъ быть прощенъ мужемъ? Неужели упорный отказъ жены возвратиться къ мужу, ея наглое издѣвательство надъ нимъ въ кругу его согражданъ, знакомыхъ, друзей и враговъ, неужели такое отношеніе для него менѣе тяжкое зло, чѣмъ *безвѣстное* отсутствіе, чѣмъ самая *смерть* любимой жены? Развѣ она—своимъ развратнымъ поведеніемъ, соединеннымъ съ отвращеніемъ къ мужу не умерла для него, какъ умерла для него безвѣстно пропавшая, или обратившаяся къ *лучшей жизни*—постригшаяся въ монашество? Гдѣ же здѣсь попеченіе законодателя объ исполненіи его подданными Евангельской заповѣди? Здѣсь—только жалкая и близорукая хвастливость своею ревностію о послѣдованіи божественной мудрости. Неужели Императоръ Юстиніанъ и Св. Василій Великій

менѣ Льва Исавра были освѣдомлены на счетъ Евангельской заповѣди и были менѣ ревностны въ ея примѣненіи? Никто, конечно, этому не повѣритъ. Въ чемъ же дѣло?— Въ томъ, что они шире и глубже Льва Исавра понимали Евангельскую заповѣдь и внимательнѣе его относились къ условіямъ жизни, избрѣтая возможные способы примѣненія ея къ жизни, съ одной стороны предупреждая хитрыя уловки ея обхода людьми злонамѣренными, а съ другой,— теплѣе и сочувственнѣе относясь къ человѣческой немощи, къ физическимъ и моральнымъ требованіямъ человѣческой природы и такимъ образомъ пламенно ревнуя объ исполненіи божественнаго закона, дѣлали его иго удобоносимымъ, а не превращали его въ безчеловѣчный законъ, лишь восхваляя его, и свою ревность о немъ.

Въ томъ и мудрость законодателя, его тактъ, чтобы указывать примѣнительно къ условіямъ жизни лучшей путь примѣненія великихъ принциповъ божественной правды, а не ограничиваться ихъ восхваленіемъ и жестокою карою за ихъ непримѣненіе—какъ это сдѣлано въ эклогѣ Льва Исавра.

Само по себѣ законодательство Эклоги по занимающему насъ вопросу не стоило бы такого вниманія, какое мы удѣляемъ ему, не стоило бы оно такого вниманія и по историческому своему значенію, (въ 780 г. эклога была отмѣнена) оно имѣетъ для насъ глубокой интересъ, какъ моментъ въ исторіи византійскаго права, поразительно сходный съ моментомъ въ исторіи нашего церковно-гражданскаго права, начавшимся съ 1809-го года и переживаемымъ въ настоящее время. Къ изображенію этого послѣдняго момента мы перейдемъ въ свое время, а теперь продолжимъ наше обзорѣніе византійскаго законодательства.

Уложеніе Императора Василія Македонскаго, замѣнившее Эклогу Льва Исавра и извѣстное подъ именемъ *Прохирона* (ручная книга законовъ) возвратилось, по занимающему насъ вопросу, къ Юстиніанову праву и не только вполнѣ воспроизвело его, но и сдѣлало дальнѣйшіе шаги по уравниенію обязанностей супружеской вѣрности въ отношеніи къ мужу и женѣ.

Приводимъ изъ него мѣста по интересующему насъ вопросу по тексту Кормчей книги:

Мужъ имѣетъ право требовать развода:

„Аще (жена) мужевн ея не хотящу со внѣшними мужи пиеть и мыется въ бани съ ними.

Аще не хотящу мужевн ея внѣ дому своего ноць преспнть, токмо аще прилучится ей у родителей своихъ.

Аще на конное урнстаніе, или на позорища, или на ловы изыдетъ, якоже се позоры дѣющи, невѣдущу или возвра- няющу мужевн.

Аще же прилучится кому свѣне единья прежде речен- ныхъ винъ свою жену отъ своего дому изгнати, якоже *аще она не имущи родитель своихъ, у нихъ же можетъ облещи, по нужди* едину ноць преспнть, повелѣваемъ ни единья имѣти мужевн власти таковыя ради вины разлучитися отъ жены, *понеже самъ сему повиненъ бываетъ* ¹⁾.

Въ соотвѣтствіе этому жена уполномочивается искать раз- вода:

„Аще мужъ о прелюбодѣяннн своея жены напишетъ, и пре- любодѣяннн не докажетъ; подобаетъ женѣ, аще хоцетъ и та- ковыя ради вины разлучитися съ мужемъ своимъ и взяти убо вѣно свое и пріяти же и предбрачный даръ за таковое оклеветаніе....

Аще мужъ въ своемъ дому, въ немъ же съ женою своею живеть, преобидѣвъ сію, со иною обряцется въ своемъ дому пребывая, или въ томъ же градѣ живый *въ друзьмъ дому со иною женою часто пребывая обличится*, и единою и дващи поученъ же и наказанъ и поношаемъ бывъ, или отъ своихъ, или отъ жены своя родитель, или отъ другихъ, или отъ инѣхъ нѣкихъ достовѣрныхъ свидѣтель, и *таковаго студо- дѣяннн* не останется, подобаетъ *женѣ* за таковую вину раз- рѣшнти бракъ и взимати вданое вѣно и прежде брачный даръ за *таковое поруганіе*“ ²⁾.

Какъ законодательное уложеніе, Прохиронъ Императора Василія Македонянина оффициально отмѣнилъ Эклогу Льва Исавра; съ момента опубликованія его, послѣдняя должна была утратить законодательную силу. Въ дѣйствительности этого, однакоже, не произошло: Эклога продолжала, какъ свидѣтельствуеть множество списковъ ея, и переписываться

¹⁾ Сн. Слова Св. Вас. Велик. „аще мужъ оставленъ женою, подобаетъ смотрѣти вину оставленія.... (прав. 35).

²⁾ Кормчая книга, 48 глава, гр. 11.

и дополняться наряду съ другими законодательными уложеніями, въ частности наряду съ самимъ прохирономъ—какой случай представляютъ наши кормчія книги, какъ рукописныя, такъ и печатныя, въ которыхъ эти два уложенія помѣщены рядомъ (гл. 48 и 49). Впрочемъ это должно сказать не обо всей эклогѣ: именно ея опредѣленія о причинахъ расторженія брака едва ли сохраняли свое законодательное значеніе, такъ какъ стояли въ рѣзкомъ противорѣчій и съ правомъ каноническимъ, и правомъ юстиніановымъ и съ законодательствомъ позднѣйшимъ прохирона. Василики ¹⁾, Шестикнижіе Арменопула ²⁾, Синтагма Матѳея Властаря ³⁾ по разсматриваемому вопросу держатся юстиніанова права и прохирона. Комментаторы номоканона—Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ также держатся юстиніанова законодательства по этому вопросу и вовсе не упоминаютъ объ эклогѣ.

Добрыя качества закона даютъ себя знать не столько теоретическимъ его совершенствомъ, сколько жизненнымъ его примѣненіемъ—практикою. Бываетъ, что законъ принципиально, повидимому, совершенный и по формѣ безукоризненный, проходитъ *мимо жизни*, оставаясь мертвою буквою и жизнь укладывается такъ сказать сама собою, въ полное ему противорѣчіе; и наоборотъ, законъ, менѣе совершенный въ томъ и другомъ отношеніяхъ, прививается къ жизни легче и глубже, производя на нее благотѣльное вліяніе. Предположимъ на минуту, что теоретикъ—богословъ и юристъ не убѣдился нашими доводами въ пользу принципиальнаго превосходства юстиніанова закона предъ закономъ Льва Исавра. Съ теоретической точки зрѣнія законъ послѣдняго именно подкупаетъ какъ будто ревностію о большемъ соотвѣтствіи Евангелію—стѣнсеніемъ развода, напротивъ законъ Юстиніана, повидимому, болѣе либераленъ, способствуетъ увеличенію числа разводовъ и слѣдов. менѣе благотѣленъ для жизни, да и по внѣшней формѣ какъ будто мелочень, казуистичень. Какъ же быть? Какому изъ двухъ сравниваемыхъ законовъ отдать предпочтеніе?

Къ нашему счастью, бракоразводная практика Восточной

¹⁾ Василики, кн. 28, том. 14 и 4. Нарбековъ: Номоканонъ Фотія, ч. II стр. 522. Казань. 1899.

²⁾ Кн. IV, том. XV (XII).

³⁾ А. у. По русскому переводу Свящ. Н. Ильинскаго, стр. 123—124.

церкви сохранила для насъ нѣкоторые примѣры примѣненія разсматриваемаго Юстинианова закона о злонамѣренномъ оставленіи однимъ супругомъ другаго, и въ нихъ дала намъ возможность подтвердить основательность нашихъ теоретическихкихъ доводовъ—самыми фактами.

Имѣемъ въ виду три бракоразводные процесса на основаніи *malitiosa desertio*, разрѣшенные знаменитымъ канонистомъ Восточной церкви преосвященнымъ Димитріемъ Архіепископомъ и примасомъ Болгаріи (XIII в.) ¹⁾.

1.

1. Начальникъ дворца императорскаго лагеря Болеслѣви Іоаннъ предъ Его Высокопреосвященствомъ обвинялъ свою

¹⁾ Е. Е. Голубинскій въ „Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей. М. 1871 (стр. 123—124) о Димитріи Хоматенѣ говоритъ слѣдующее: „Димитрій Хоматенъ—изъ хартофилаковъ ахридскихъ при Іоаннѣ Каматерѣ; его преемникъ на архіепископской каедрѣ, которую занималъ въ послѣднихъ годахъ XII и первой четверти XIII вѣка. Принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ церковныхъ законовѣдовъ своего времени. Въ мюнхенской королевской бібліотекѣ (см. у Гардта т. 1 № 62) находится в. важный рукописный сборникъ большею частію неизданныхъ, каноническихкихъ его посланій и рѣшеній, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ есть данныя, какъ слѣдуетъ предполагать по надписаніямъ статей и какъ прямо утверждаютъ ученые, видѣвшіе сборникъ (Zhisshmann: Das Eherecht d. orientalischen Kirsche Wien, 1864, S. 7. примѣч.) весьма важныя для тогдашней исторіи болгаръ и сербовъ. Пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ и патріархъ Константинопольскіе находились тогда въ отдаленной Никеѣ, онъ стремился поставить власть архіепископа ахридскаго на возможно высокую степень независимости. Въ 1222 году деспотъ или удѣльный владѣтель епирскій, Феодоръ Комненъ, рѣшившись присвоить титулъ императорскій, обратился съ просьбою о возложеніи на него императорскаго вѣнца къ митрополиту Солунскому; когда послѣдній самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалъ въ незаконной просьбѣ, онъ обратился къ архіепископу ахридскому; послѣдній — Димитрій Хоматенъ — немедленно изъявилъ свою готовность, „потому что—пишетъ Георгій Акрополитъ — архіепископъ ахридскій, какъ самъ онъ утверждалъ, былъ совершенно независимый (*αὐτονόμος*) и не обязанъ былъ никому давать отчета въ своихъ дѣлахъ, почему и имѣлъ право кого бы, когда бы и гдѣ бы то ни было помазывать на царство“.

Упоминаемый здѣсь Мюнхенскій кодексъ № 62 былъ въ 1891 году изданъ Питрою въ *Analecta Sacra et classica spicilegio Solesmensi*. По этому изданію мы и представляемъ свой переводъ трехъ упомянутыхъ бракоразводныхъ рѣшеній Архіепископа Димитрія Хоматена.

жену Ирину въ томъ, что она безъ его вѣдома уже въ теченіе шести мѣсяцевъ проживаетъ въ Прилапѣ, и требоваль развода. При этомъ нужно было представить и жену и подтвердить свидѣтельскими показаніями ея самовольное отдѣленіе отъ него, и вотъ сего дня онъ предъявилъ письменное удостовѣреніе благоговѣйныхъ іереевъ Прилапа, именно: проповѣдника Романа и протекдика Θεодора, свидѣтельствующее, что супруга Іоанна вышеозначенное время вела себя свободно и необузданно, такъ что пришедшій мужъ ея отыскалъ ее и хотѣлъ привести въ судъ, что случилось въ селеніи называемомъ Бода. Но когда ее вели, эта женщина бросилась въ протекающую глубокую рѣку, и если бы усиліями и руками старѣйшины этого селенія, высокопочтеннаго господина Григорія Гавра и его подчиненныхъ, не была тотчасъ извлечена изъ воды, то погибла бы, но она вскорѣ пришла въ себя и произнесла короткое слово, что если она и спаслась теперь отъ опасности утонуть, бросившись на глазахъ всѣхъ, то потомъ, воспользовавшись случаемъ, когда никто не будетъ ее видѣть, она все равно уйдетъ въ царство мертвыхъ; документъ это удостовѣряетъ.

Іоаннъ заявилъ: вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ я не счелъ возможнымъ употребить по отношенію къ названной женѣ силу, чтобы, какъ говорится, притащить ее въ судъ, по сему требоваль развода въ отсутствіи ея и указаль при этомъ на свидѣтелей: боголюбивѣйшаго архонта (благочиннаго) церковей Андріана Авторіана, благочестивѣйшаго приміцерія чтецовъ лѣваго хора Михаила Сверія, благочестивѣйшаго священника и періодефта Леонтія и другихъ, говорившихъ, что они знаютъ подлинно, что Ирина не только самовольно удалилась въ Прилапъ, оставивъ своего мужа, и столько времени тамъ живетъ, но и прежде оставленія не отличалась добрымъ поведеніемъ въ домѣ своего мужа, каждодневно безславя домашній очагъ.

Итакъ, когда это было точно удостовѣрено въ владычней духовной Дикастеріи, ею было постановлено расторженіе брака Іоанна съ Ириною на основаніи (117-й) Юстиніановой новеллы, находящейся въ книгѣ 28 Василикъ, титулъ

¹⁾ Подлинный титулъ: *Λεβλοτικῆ θεία μεγαλειότης*—Владычнее священное Величество—мы переводимъ обычнымъ архіепископскимъ титуломъ.

(7) гл. 1-й¹⁾, узаконяющей между прочимъ, что мужъ можетъ послать разводное письмо женѣ, если она безъ его вѣдома проведетъ хотя одну ночь не въ его и не въ родительскомъ, а въ чужомъ домѣ. Ибо названная Ирина оказалась виновною въ томъ, что она не одну только ночь провела внѣ дома своего мужа, но въ теченіе долгаго, шестимѣсячнаго времени проживала въ иной странѣ, что составляетъ достаточное основаніе признать ее виновною и произнести рѣшеніе о разводѣ съ нею²⁾.

2. Молодой человекъ, по имени Феодоръ Хлороподосъ, по роду занятій низшей мастеровой, представилъ Его Высокопреосвященству жалобу, что онъ заключивъ обычнымъ образомъ бракъ съ Ириной, дочерью Михаила Боданиата, такового же какъ и онъ мастерового, теперь оплакиваетъ неудачу такого брака. Онъ говорилъ, что жена его, возненавидѣвъ его, обнаруживаетъ къ нему крайнюю ненависть: ибо избѣгаетъ его, противится сожитію съ нимъ, какъ отъ змѣи отворачивается. и дойдя до этихъ словъ, онъ остановилъ рѣчь свою и просилъ освободить его отъ такой жениной къ нему ненависти, а болѣе отъ несчастія, чтобы его супругу возстановить въ прежнее къ нему отношеніе, ибо говорилъ, что онъ желаетъ союза съ нею.

Потомъ явилась и Ирина съ своими родителями. Призываемая къ отвѣту на обвиненія мужа въ своей ненависти къ нему, она ничего иного не высказала, кромѣ того, что если не разведутъ ее съ нимъ, то она не остановится ни предъ глубокими водами, ни предъ высокими скалами, ни предъ веревкою, чтобы покончить съ своею жизнію, ибо, говорила, что совершенно не желаетъ сожитія съ Феодоромъ. И родители ея объявили, что и сами они скорбятъ о такой бѣдѣ, случившейся въ средѣ этихъ молодыхъ супруговъ, и говорили, что они часто и увѣщаніями, и силою, и даже плетями возвращали Ирину, бѣжавшую отъ мужа, снова къ нему, но она, проживъ у него день, другой, третій, а то и болѣе, потомъ опять убѣгала отъ него, а убѣжавъ долгое время скитается по чужимъ домамъ.

¹⁾ Цитація сходна съ комментариемъ Вальсамона къ Номоканону Фотія, т. XIII, гл. 4, стр. 522.

²⁾ Pitra: Analecta, p. 99—100.

И послѣ того, какъ это обвиненіе было съ такою тщательностію изслѣдовано и Иринѣ было объявлено, что она неизбежно должна возвратиться къ своему мужу, а она съ рѣшительнымъ упорствомъ отнѣкивалась отъ сожитія съ нимъ,—родная сестра Θεодора Марія, помогая брату, открыла объ одномъ, доселѣ умалчиваемомъ обстоятельстве и сказала, что Ирина, будучи влюблена въ Георгія Холовра и увлекаемая къ нему страстію, отказывается отъ супружескаго ложа съ мужемъ и, пребывая одна въ чужихъ домахъ, проживаетъ не дни только, а цѣлыя недѣли, и посему ясно дѣлитъ свои симпатіи отъ своего мужа съ чужимъ. И родители ея сказали, что они знали, что про дочь ихъ до брака съ названнымъ Θεодоромъ ходили слухи, что она въ связи съ Холовромъ, чего они не желали и согласились съ Θεодоромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они признали, что часто Ирина оставляла Θεодора на цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ и проживала въ чужихъ домахъ. Ирина, спрошенная о томъ—любитъ ли она Холовра,—съ краскою на лицѣ призналась въ этомъ.

Посему Его Высокопреосвященство обратилъ на это вниманіе и, усмотрѣвъ на основаніи произведеннаго изслѣдованія явное здѣсь прелюбодѣяніе (ибо обнаруженная склонность къ Холовру—гнѣздится въ сердцѣ Ирины, а внѣ домашняго очага и дома родственниковъ проводимое время очевидно производило ненависть), присудилъ расторженіе сего брака. И Θεодору, если желаетъ, дать свободу вступить въ бракъ съ иною женою, не подвергая за это никакому осужденію. Ирину же объявилъ явную прелюбодѣйцею, подлежащею каноническимъ наказаніямъ, назначеннымъ за прелюбодѣяніе. Но въ виду великой бѣдности ни объ убыткахъ, ни о штрафѣ, ни о какомъ-либо наказаніи, каковыя въ сихъ обстоятельствахъ опредѣляютъ гражданскіе законы, не было рѣчи, такъ какъ вмѣсто наказанія на женину сторону достаточно бѣдности и ею порождаемыхъ тяжкихъ трудовъ и лишеній“¹⁾.

3. Предстала сего дня Всесвятѣйшему Господину нашему, Примаసు всей Болгаріи, пришедшая отъ Гереспы женщина, по имени Анна, вмѣстѣ съ шуриномъ брата ея Михаиломъ изъ Тзурка, и заявила, что сожительствуя съ законнымъ му-

¹⁾ Ibid. p. 553—556.

жемъ, по имени Никомъ (*Nikom*), и немалое время проживъ съ нимъ, потомъ возненавидѣла его крайнею ненавистью, онъ сталъ ей такъ отвратителенъ, что она не можетъ выносить даже вида его и поэтому пользовалась всякими случаями, чтобы избѣгать его, живя вдали отъ него. Движимая такою ненавистью, она приходила къ мысли покончить и съ своею жизнію—и хотѣла освободиться отъ нея, бросившись со скалы, или въ рѣку, или удавившись. Почему, говорить, чтобы эта страсть ненависти не возобладала въ своей силѣ и не привела въ дѣло этотъ крайній умыселъ, она вынуждена совершенно отрѣшиться отъ названнаго мужа ея, т. е. чтобы отступленіемъ отъ него заживить рану ненависти и предупредить безразсудный умыселъ. Такъ говорила Анна.

Поелику же присутствовалъ и мужъ ея, Нико, то и онъ былъ спрошенъ о томъ, такъ ли было то, о чемъ говорила она, и высказалъ слѣдующее:

Обнаруживая скорбь сердца своего смущеннымъ видомъ и поникшимъ взоромъ, онъ въ немногихъ словахъ высказалъ въ отвѣтъ, что дѣло обстоитъ такъ, какъ высказала Анна, и при этомъ заявилъ, что и онъ вынужденъ требовать развода съ Анной, поелику, говорить, не можетъ переносить далѣе ненависти ея, переходить съ мѣста на мѣсто, отыскивая ее, и переносить для этого не только тяжкій трудъ и страдальческую жизнь, но и поношеніе отъ людей.

Когда сказалъ это Нико, Его Высокопреосвященство, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и убѣдившись, что причина ненависти очень важная и даетъ основаніе ожидать рожденія дальнѣйшей опасности, и что еще болѣе важное обстоятельство—отдаленіе Анны, какъ наводящее на подозрѣніе незаконной связи (ибо посему-то законы благоч. императоровъ приказываютъ давать мужу разводъ женѣ его, пребывающей внѣ его дома и дома родственниковъ, въ чужихъ домахъ), разсудилъ быть разводу между Никомъ и Анною ради вышесказанныхъ причинъ и для отвращенія отъ нихъ дальнѣйшаго зла, и отнынѣ эти лица должны быть такъ разлучены, чтобы могли дѣлать затѣмъ каждый какъ хочетъ“¹⁾.

¹⁾ Ibid. p. 557—558.

Такъ превосходно болгарскій архіепископъ XII-го—XIII вѣка пользовался законами Юстиніана о *malitiosa desertio* для мирнаго разрѣшенія отъ людскаго горя и страданія, порождаемыхъ несчастно сложившимся бракомъ! Просто не вѣрится, что такія мудрыя рѣшенія исходили изъ епископской консисторіи XIII вѣка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Заозерскій.

